

The book cover features a stylized illustration. At the top, a hot air balloon with a dark, vertically-ribbed envelope and a woven basket hangs against a deep blue night sky filled with small white stars. The basket contains a small silhouette of a person. Below the balloon, the author's name 'МАРИЯ БОТЕВА' is written in large, white, hand-drawn capital letters. In the middle ground, a long, grey, multi-story apartment building with many windows, some of which are glowing orange, stretches across the frame. On the right side of the building, the text 'Компассия' and 'издательский дом' is written vertically. In the foreground, a person with long dark hair is shown from the chest up, wearing a bright orange sweater and large, grey, over-ear headphones. The person's face is pale with simple features. The title 'НОВОЕ ЧЁРНОЕ ПАЛЬТО' is printed in large, bold, black capital letters across the person's orange sweater. To the right of the sweater, the words 'ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ' are written in a smaller, grey, sans-serif font.

МАРИЯ БОТЕВА

НОВОЕ ЧЁРНОЕ
ПАЛЬТО

ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ

Мария Алексеевна Ботева

Новое Черное Пальто

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68704767

Новое чёрное пальто: Повести и рассказы / Мария Ботева; ил. Вольги

Пранкевич: КомпасГид; Москва; 2022

ISBN 978-5-00083-840-2

Аннотация

Каждую среду после уроков новенькая напрашивается в гости к однокласснице и сидит у неё до темноты, отключив мобильник. Тринадцатилетняя школьница находит родственную душу в соседке по больничной палате и понимает, что так легко ей ещё ни с кем никогда не было. Парень из престижного химико-биологического лицея учит девчонку из обычной школы слушать ветер, сидя на крыше дома, и спасает её отца, выступающего против закрытия школы, из-под ковша бетономешалки...

Это лишь три сюжета. Но за каждым из них – пронзительное повествование. Рассказ о сиюминутных ситуациях, невозвратном прошлом и тревожном ожидании будущего. Описание жизни такой, какая она есть, когда тебе от 13 до 15 лет: чудак учитель, в которого влюблены ученики, отец, пишущий рэп, знакомая библиотекарьша, угощающая чаем с курабье, отчим, спасший твою жизнь ещё до рождения, мама, с которой так классно разгуливать по торговому центру и есть дома горячие сырники!

Герои-подростки – живые и вызывающие симпатию. Трогательные и отзывчивые. Они говорят нормальным языком. Переживают друг за друга, ищут поддержку, взаимопонимание и любовь – друзей и близких.

Всего в новом сборнике Марии Ботевой пять повестей и рассказов. Пять историй из жизни. Пять мини-спектаклей, в которых одна мизансцена сменяет другую. Для каждого сюжета автор выбирает новый язык, раскрывает очередную сторону бытия героев, показывает разные жизненные коллизии.

Мария Ботева – журналист и драматург. Финалист и лауреат литературных конкурсов. Произведения писательницы переведены на иностранные языки. А книги «Мороженое в вафельных стаканчиках» и «Маяк – смотри!» включены Мюнхенской международной детской библиотекой в список выдающихся детских книг мира «Белые вороны» и выдержали несколько переизданий в «КомпасГиде». Также по книгам Марии Ботевой ставятся спектакли и проводятся театральные читки.

Содержание

Куплю черепаху	6
Мама и сырники	7
Катерина	13
Не хватает черепахи	20
Нежные почки	24
Седины Льва	30
Вот кто будет рисовать!	37
Сенсация	41
Молочный брат	46
Федосья	51
Копилка бесполезных знаний	54
Схема	59
Карточки	62
Плоская тайна	66
Среда и Древняя Греция	71
Ахиллес не догонит черепаху	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Мария Ботева

Новое чёрное пальто.

Повести и рассказы

Иллюстрации Вольги Пранкевич

© Ботева М. А., текст, 2022

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2022

Куплю черепаху

Мама и сырники

Наш учитель истории – самый лучший, это давно и всем известно, даже вспоминать не стоит. Учитель года.

– Ой, да когда это было-то? – говорит мама. – В две тысячи лохматом году. И не в вашей школе, между прочим. Возьми-ка винограду в холодильнике, я купила.

Мама моя весёлая сегодня, счастливая, люблю, когда она такая, хоть поговорить можно. А то всё – как в школе, да как здоровье, да почему дома сидишь, а на улице как хорошо. Вот когда мама сдаёт свой квартальный отчёт, с ней можно по-человечески разговаривать. Дня два, а когда повезёт – неделю. Мне тогда из дому совсем выходить не хочется, я бы всё так сидела и сидела рядом с мамой. Ей, кажется, тоже такая мысль приходила в голову. Однажды будит меня шёпотом, говорит:

– Галка, Галка, Галчонок мой, спишь?

Я только начала один глаз открывать, как слышу, она шепчет опять:

– Ну ты поспи, а я посижу.

А мне уже расхотелось спать. Думаю: происходит что-то или мне кажется? Глаза не открываю. Мама и в самом деле сидит на моей кровати рядом, не уходит. Вдруг как каркнет:

– Кра! – и руками ещё взмахнула, и снова: – Кра!

Я подпрыгнула, чуть в потолок не влетела.

Мама смеётся:

– Хорошее, – говорит, – я имя тебе придумала, а, Галченок?

И смех и грех. Напугала меня, а как её ругать: так ей весело. Пусть этот день у неё таким и будет, радостным до ушей. Мы смеёмся вместе.

– Мама, – говорю.

– Нет, только не сегодня, – перебивает она меня.

– Да ты послушай, ты же не знаешь, о чём я.

– Знаю я, всё про тебя знаю, сейчас спросишь, кто твой отец да где он. Так?

– Так, – отвечаю, хотя думала совсем не об этом, хотела позвать маму гулять целый день, покупать тонкие колготки, брюссельские вафли и мороженое. Но раз уж разговор зашёл... – Так, – говорю, – правда, Расскажи про него.

– Ай, прощелыга тот ещё, – отвечает она. А настроение, чувствую, несколько не испортилось. Обычно в этом месте она начинает грустить.

– Ага, понятно, – говорю, – аотчеству прощелыги какое?

– Погоди, – мама задумывается, – дай-ка вспомнить. Мольбертович, что ли?

– Ну мама!

– Говорю же, только не сегодня.

И мы идём гулять. То в один торговый центр, то в другой. Мне так нравится там ходить! Всё яркое, блестящее, покупатели ходят радостные. Или озабоченные ходят. Но по всем

видно: люди делом заняты. И просто мне нравится в магазинах, на рынках – жизнь! Кипит и клокочет, а не так себе простекает. Тут кричат продавцы, там заманивают, тут хвалят свои товары, показывают их во всей красе, там чуть не бегут за тобой с какой-нибудь кофточкой или тапками.

Купили мне водолазку бирюзовую, а маме зимние ботинки со снежинками.

– Мама, – я ей говорю, – ты как маленькая! Хорошо, что снежинки, а не снеговики.

– А что, бывают? – мама спрашивает. И я закатываю глаза. А-а-а! Вот это мама. Как это я с ней ещё держусь сегодня, с такой дикой.

Мы спускаемся на эскалаторе, а времени уже три часа, и я хочу есть. Мы так за целый день и не поели никакого мороженого, никаких вафель.

– Пойдём перекусим? – наклоняется ко мне мама, и тут мы видим, как навстречу нам поднимается моя классная, Валерия Геннадьевна.

– Здравсьте, – говорим с мамой в один голос.

А Валерия нам пальцем грозит, и я не могу понять, это она всерьёз или в шутку. Никогда она мне пальцем не грозила – и вдруг.

– Не думай даже, я ей позвонила утром, отпросила тебя. Сказала, надо в больницу.

Какую ещё больницу? И тут я вспомнила, что утром мы в самом деле заходили в поликлинику, взяли направление на

анализы крови и мочи. Мне и маме заодно. А может быть, это мне заодно, а главное – маме. Не знаю.

Потом мы пошли шляться по магазинам, и я совсем про это забыла. Вот это подарок мне сегодня. Завтра в школу, но в субботу ничего сложного. География, химия и физкультура. Ау меня освобождение по здоровью, так что я иду только на два урока, виват!

В субботу мне приходится вставать самой. У мамы законный выходной, и она спит сколько хочет. Не знаю, когда она встаёт. Может, ещё долго лежит, но не удивлюсь, если она после моего ухода вскакивает и прыгает на кровати. Хотя нет, на наших кроватях не попрыгаешь, там какие-то хитрые матрасы. Ну, всё равно что-нибудь делает моя мама. По субботам я прихожу, а дома пахнет горячими сырниками. Маме отменно удаются именно сырники. Блины не получаются, на пироги ей не хватает терпения, а вот сырники – думать позабудешь, пока их ешь.

Сегодня только собралась домой, стою, натягиваю свою куртку. Идёт он – Лев Ильич Давыдов, учитель года две тысячи лохматого года, наш историк.

– Ты куда это? – спрашивает меня.

– Домой, – отвечаю, – куда ещё?

– Рановато, – он мне говорит.

– В самый раз, – отвечаю, а сама чувствую: не клеится у нас с ним разговор. У него одна настройка, а у меня другая, что-то не так.

– Погоди, а ты карточки мне расписала?

– Конечно, во вторник ещё. Вы же видели.

– А-а, – тянет он, – это во вторник было, да? Вот время-то.

И идёт себе дальше. А я стою, у меня куртка только на одну руку натянута, стою и думаю: что-то тут не так. Хотя кому какая разница, что я думаю, мне можно и вовсе ни о чём не думать. Взять да пойти домой. Так я и делаю.

– Погоди! – снова говорит он. Я уже у дверей, а он чуть ли не бегом бежит ко мне. – Погоди, а куда ты их положила? Что-то я не помню. И вообще, рассказала бы, что там да как? Ты же была на этом, на слёте археологов?

Вот тоже мне! Не мог сразу же с этого и начать. Всё хорошо в нашем учителе, только это и плохо – не может сразу о деле спросить, издалека начинает. Не видать мне тёплых маминых сырничков, приду, когда они уже остынут. Хотя нет, не всё пропало.

– Мама, – говорю я по телефону, – я, оказывается, задержусь тут, надо рассказать о собрании.

– Ясно, – мама мне отвечает, – это ты Льву будешь рассказывать, да? Давай-давай. Я всё поняла, позвони, как соберёшься домой.

Но я позвонить забываю. Я вообще обо всём забываю, потому что в кабинете у Льва такое!

– Кто это сделал? – говорю.

– Кто-кто, – отвечает Лев, – самый ваш лучший учитель.

– Ну ни фиги себе! Это вы сами?

– Ну да, – он говорит и по усам себя гладит, – сами.

– А когда? А почему меня не позвали? Я тоже хочу!

В классе у Льва две парты сдвинуты, а на них – бумажный макет нашего летнего раскопа.

– Узнаёшь? – спрашивает он.

Ещё бы не узнать, сколько мы там зависали. Я разглядываю макет медленно, вспоминаю, где что выкопали. Не напутал ли учитель немного.

– Нет, правда, что ли, сами сделали? – спрашиваю.

– Ну, нашёлся добрый человек, помог. Новенькая ваша.

И тут она заходит, прозвенел звонок, физра кончилась, Катерина переоделась там последней, как всегда. И прямой дорогой сюда, к Лёве. Ну и мы вдвоём с ней уже возле макета зависли. Оказывается, она его ещё не видела собранным полностью, только частями.

Лев достал карточки, которые я заполняла, отдал мне в руки, сказал, чтобы по макету разложила. А я в шапке, в куртке хожу вокруг макета. На север кладу карточки с находками, которые там были, на северной стороне раскопа, на запад – те, что западные. Катерина мне помогает. Лев только ходит за нами следом. Мы положим карточку, он поднимет, прочитает, обратно кладёт. Любуется. Так день и прошёл. Домой я привалила только вечером. И маме забыла позвонить.

Катерина

Засада в том, что нас теперь стали путать. Меня с Катериной. Казалось бы. Я в школе с первого класса, а она только что пришла. Это из-за фамилий. Разница в одну букву, а сколько неприятностей. Один раз меня хотели выгнать с биологии из-за неё. Из-за самой Катерины, а не фамилии. Римма ходила по рядам, смотрела, все ли записывают д. з., она всегда так делает. Как будто это чему-то поможет. Вот Дизель в любом случае всё выучит, а я – ещё подумаю, стоит ли какая-нибудь инфузория-туфелька моих стараний. Да и что там учить эту биологию. На уроке послушаешь – всё понятно. Ну, что-то запоминать надо специально, да. В тот день Римма задавала нам чуть ли не всё, что мы прошли за четверть, да ещё что-то вспомнила с прошлого года. И ещё конспектировать статьи из энциклопедии, это она любит, постоянно хочет, чтобы мы их читали. Говорит, любые энциклопедии, а не этот ваш интернет. Законспектируешь, а она потом читает и пишет в тетрадке, что в этой энциклопедии никакой подачи материала. Непонятно, что она хочет сказать всем этим.

– Имейте в виду, – говорит, – эти вопросы будут у вас в итоговой работе. Учите сейчас, не ждите следующего года.

Очень быстро она всегда говорит, не всегда успеваешь за ней уследить. Начинает нормально, но к концу урока обычно

как ведущие утром по радио торопятся всё сказать.

– Проверю всё и у всех: и конспекты, и самостоятельные работы, и устные...

– Ой, а можно как-то избежать этого? – спросила вдруг Катерина.

– Нельзя, – без перерыва сказала Римма. Они это так дружно сказали, сначала одна, потом другая, будто репетировали, – этого избежать нельзя. Даже если вы перейдёте в другую школу, даже если вы заболете – этого не избежать.

– А если умрём? – спросила Катерина.

– О-оу, – сказал Митенций.

– Даже если умрёте, на вашем могильном памятнике будет написано, что вы не учили биологию. Так что избежать не удастся ни при каком раскладе.

– А если... – стала спрашивать Катерина.

– Гудина Екатерина, если ты сейчас не замолчишь, выйдешь из класса.

– Дудина, – сказала я, – это я – Гудина.

А Катерина сказала, что она не Екатерина, встала, собрала сумку и вышла.

Я подумала немного и тоже ушла. Но не знаю, как это считается: что меня выгнали или что я сама ушла? Потому что, когда я открывала дверь класса, прозвенел звонок.

Она такая, Катерина. Не может, когда её называют по-другому. Это у неё с детства.

Самой первой её увидела я. И то потому что она все уроки

просидела за последней партой. Я на среднем ряду сижу, а она села у окна. И никто её не заметил! Несмотря на внешность: волосы белые, я таких раньше не видела. Они белые, совсем, без вариантов! Так и не обращали на неё внимания до предпоследнего урока. До истории. Конечно, Лев, как вошёл в класс, тут же её углядел.

– Ого, – говорит, – у вас в классе пополнение, – и вызвал её к доске. – Посмотрим, – говорит, – как вы знаете материал, познакомимся.

Это бываете нашими учителями, давно замечено. Начинают вдруг ученикам говорить «вы». Математичка Ираида Натановна, например. На уроках – со всеми на «вы». А на перемене встретит, говорит:

– Где ты бегаешь? Приходи контрольную переписывать!

После этого идёшь на урок, а она – та же самая математичка – вызывает к доске, говорит: «Докажите теорему». Вот и пойми.

Ну, новенькая вышла, Лев её спрашивает имя, фамилию.

– Катерина Дудина, – говорит.

Все сразу на меня заглядывались. Ещё бы!

– Как? Дудина или Гудина? Имейте в виду, Гудина у нас уже есть.

– Катерина Дудина, дэ, Дионис, – новенькая повторила.

Хорошо, не Гудина, всё-таки на одну букву различаются наши фамилии.

– Катя, а вы...

– Извините, – перебивает она его, – Катерина. Пожалуйста.

Бледная, волосы белые, даже брови. Ресницы тёмные, понятно, накрашены, а так тоже белые, вот нисколько не сомневаюсь. Глаза большие, голубые, что ли. Или серые? У меня, конечно, острое зрение, но не настолько, чтобы всё замечать. Цвет глаз на таком расстоянии мне не видно.

Ладно, историк тоже представился, ну, что зовут его Лев Ильич Давыдов, он учитель истории. Кажется мне, он любит с людьми знакомиться, всем повторять, как его зовут. Я уже только за этот учебный год слышала раза три. Он представился, а заодно спросил: из какой школы она к нам посреди сентября? Она сказала, что из лингвогимназии, перешла к нам по месту жительства.

– Да? – говорит Лев, – Да вы что!

И сидит на неё смотрит, рот раскрыл. Неожиданно, конечно, мы тоже удивились, что такая птица к нам залетела. Из гимназий и лицеев нормальные люди не уходят. Если только их не выгоняют. Там двери в одну сторону работают – на вход. Если уж ты там оказался – держись, учись, а не как у нас. Каждый месяц, говорят, там такие контрольные, тесты, зачёты – мало не покажется. Я это знаю, у меня троюродный брат, Славка, учится в экономическом лицее. Как их там гоняют! Поэтому все ученики там такие нервные, ходят и подёргиваются. Ну ладно, я не проверяла сама, как-то не было повода. Хотя эта наша новенькая спокойно так стоит, не

трясёт её. Исключение, которое только подтверждает правило. Что вот ей у нас надо? Учиться надоело, что ли? Расслабиться решила? Лев её спрашивает:

– А чего ушли? Хорошая же гимназия. Говорят, даже лучшая.

– Сами тоже ушли, – она отвечает.

Кто-то присвистнул, не знаю кто, но очень хорошо его понимаю. Сама бы от удивления засвистела, только сразу не сообразила. Наш Лев работал там! Это одна причина свиста. А другая – новенькая. Никто не думал, что она такая. Дерзкая, что ли. Катерина. Лев молчит, все молчат, тишина. Слышно, как Губанов набирает что-то на экране телефона – он никогда звук не отключает. Понятно, ищет уже новенькую в интернете. Лев говорит:

– Я по семейным обстоятельствам.

– Я тоже.

Помолчали опять. Потом историк опомнился:

– А классный руководитель? Кто?

– Леди Ди.

– О! Дина Валерьевна? Хорошая!

– Ну да. Нормальная.

Лев смотрит на новенькую, Лёвушка наш, смотрит, улыбается и вдруг начинает быстро трындеть с Катериной. Про эту самую Леди Ди, да в каком кабинете она работает, да заменили или нет диваны в холле, да бывали новенькая в здании младшей школы после ремонта. И всё такое. Диваны у

них, гляди. В холле.

Дизель поднял руку.

– Что? – спрашивает Лев.

– Я извиняюсь, можно нам выйти?

– Куда? В туалет? Иди, конечно.

– Нет, совсем. Мы тут, кажется, не нужны. А я бы по физре домашку доделал. Нам отжимание задали, боюсь помешать. Вам всё равно, а мне приятно.

Такой он, Дизель, как скажет.

– Так, – говорит Лев, – так. Ты прав, конечно. Продолжаем урок. А вы идите на место. Поздравляю вас с нами, а нас с вами!

– О! Неужели из самой лингвогимназии? Вот счастье-то! – сказал Дизель. – Нет, в самом деле удивительно.

– Бородулин! – говорит Лев.

– А?

– Урок. Откройте учебники.

А Дизель не думает молчать:

– Оукей! – и громко выкладывает из сумки учебник, тетрадь, ручку. Потом как будто вытирает рукавом пот со лба, такой делает вид. Новенькая улыбается учителю, потом всему классу. Говорит:

– Надеюсь, мы друг другу понравимся.

И садится на своё место. Урок начинается, надо же.

Странно, я совсем не помню, что мы в тот день проходили. Всегда уроки истории самые интересные, а тут был обычный.

Как какая-нибудь физика. Лев говорил не так, серо, что ли, тускло. А к перемене совсем сдулся, даже ничего не задал. Нашим легче, конечно.

На перемене к ней подошли одноклассники, к Катерине. Ирка, ясно, не стала утруждаться. Да ей Губач всё рассказал, он уже страницу новенькой почитал, фоточки поглядел. Зафрендил. Катерина Дудина, так она и записана.

– А почему не Екатерина? – спросила Дарико.

– Так привыкла, – сказала новенькая, – с детства.

Не понравилась она мне, пожалуй. Спина прямая, как будто не гнётся. Волосы белые, таких не бывает. Не блондинка, ещё бледнее. Фамилия на мою похожа. Надо же так.

А может, и понравилась. Опять же фамилия почти как у меня.

Ну, так.

Не хватает черепахи

Я говорю Дизелю:

– Привет, Федосья!

Ему не нравится это имя, но от меня он терпит.

– Чего, – спрашивает, – как сама?

– Нормально. Читаю вот твой комментарий.

Это он оставил под рисунком Катерины, новенькой. Конечно, как только она пришла, все кинулись смотреть её страницу в интернете, и я тоже, и Дизель вот. У неё не было этих дурацких котиков, единорогов и кто там ещё бывает. И цитат тоже не было будто бы умных, а на самом деле каких-то... Я не знаю даже, как назвать. Не люблю я их, словом. Зато были какие-то короткие записи, видно, что не списано. И рисунки. Сама, похоже, рисовала. Мне один понравился очень, последний, она его вчера только поставила. Вот странно: человек живёт себе и живёт, ставит, как всегда, как раньше, на свою страницу рисунки, а утром встаёт и идёт в другую школу. А тут – рисунки, будто ничего не изменилось. Ничего такие, только люди там как будто не совсем настоящие. То ли голова у них слишком маленькая, то ли ноги длинноваты. На этом рисунке, который мне понравился, город и дождь. И девушка в синем платье идёт под дождём. Без зонта, просто идёт. Очень высокие дома. Есть в этом какая-то тоска, что ли, но не смертельная, а та, что проходит,

когда после раскопа возвращаешься домой, а там горит свет, есть горячий чай. Ну, такая.

Мне хотелось написать комментарий под этим рисунком. Ну, например: не хватает черепахи. Катерина, конечно, обомлеет, а потом спросит: почему черепахи? А я откуда знаю, почему именно черепахи? Интересно было бы тут её увидеть, правда. Синее платье, девушка, высокие дома, дождь. И черепаха. Маленькая, такие в детских садах, бывает, живут. У нас жила в группе, Карабас. Еле удержалась, чтобы не написать про черепаху. Через час где-то снова открыла рисунок, а под ним Дизель написал: «Котика не хватает!» Черепаха, котик – опять у нас с ним мысли совпали. Я уже ничему не удивляюсь. Даже вот совсем не странно будет, если он мне сейчас позвонит.

И он позвонил. И тут я ему сказала, что сама хотела написать комментарий, только не про котика, а про черепаху.

– Почему про черепаху? – спрашивает Дизель.

– Не знаю, почему нет?

– А. Ну да.

И замолчал. То ли забыл разговаривать, толи думает.

– Федь, – говорю, – чего звонишь-то?

– А, да, – он отвечает. – Завтра чего делаешь?

– Учусь.

– Да это понятно. А потом?

– Потом. Потом у Льва посидим. Перед сборищем, массовым. И это, гусятника ещё не было, тоже об этом подумаем.

Может, там и отметим, на сборище. Придётся?

– Да ну. А кто ещё будет?

– Ну... Наши. Приходи, ты же тоже ездил.

– Не. Я не могу. Потом на гусятник приползу. Ладно, что ли. Поке.

И повесил трубку. Вот человек. Я посидела, открыла страницу Катерины и написала под тем рисунком: «Черепахи!» Федос тут же ответил: «При чём тут черепаха? Коты спасут вселенную!» Вот замахнулся. И мы начали переписываться, перебрасываться комментариями. Так подумать – ничего особенного, но нам смешно. Я пишу про чёрные дыры, а Дизель отвечает, что две приличные дыры можно победить сотней черепак.

А я ему – про котов, которых надо разогнать в адронном коллайдере, выпустить на улицу и посмотреть, что будет. Всякий бред, короче говоря, мы строчили. До вечера. Вечером пришла Катерина и написала: «Э-э-э. WTF?» Сразу видно человека из лингвогимназии. Больше никто ничего, замолчали. Думаю, ещё никогда у неё на странице не было такой переписки. Я посмотрела – вообще почти нет комментариев.

А я так развеселилась, что не смогла остановиться, придумала ещё немного про черепак. Ну, так. Но записала уже у себя, конечно, на своей стене.

ЧЕРЕПАХИ

При написании этого рассказа ни одна черепаха не пострадала. Говорю это для того, чтобы засвидетельствовать, что ни одна черепаха действительно не пострадала. По крайней мере ни одна из ближайших ко мне черепах. Что было с другими черепахами — бог весть. Думаю, что они тоже не пострадали. Довольно трудно, вообще говоря, представить страдающую черепаху. Мне ни разу не доводилось видеть такую.

Нежные почки

Наверное, какие-то бури в космосе происходят. Не может же человеку вдруг ни с того ни с сего опостылеть абсолютно всё. На физру было неохота идти, я думала свалить, но меня заметила завуч, Эм-Си. Посмотрела своим фирменным взглядом на часы.

Ну да, да, начался урок. Не спорю. Пришлось поворачивать обратно. Всё равно у выхода охранник остановил бы. Сегодня Серёга, у него фиг просочишься. В раздевалку я зашла, когда все давно утопали в зал. Почти все, только Катерина ещё осталась. Неожиданно. Я дверь открыла, а она сразу спряталась за футболкой своей. Очень её понимаю, я тоже не люблю, если меня кто-то видит, когда я переодеваюсь. Поэтому я до последнего жду, пока все уйдут. И всегда опаздываю на физру и на урок после неё. Каждый раз. Получается, я теперь не одна буду.

И правда, после урока она последней переодевалась.

– Гос-споди! – сказала на это Ирка. – Было бы на что глядеть! Ни рожи ни кожи.

– Нет, ну на любителя, – Дарико ответила. – Может, кто любит таких... ровных. И белобрых.

Это они разговаривали уже когда из раздевалки вышли, нарочно так громко. Катерина услышала, покраснела. Боги мои, когда всё это кончится, школа, физра, трёп этот ду-

рацкий. Скорее бы, что ли, каникулы. Или по крайней мере Львиный факультатив, «Юный археолог». Надо же такое название придумать. Хорошо, не «Юный копатель истории» или там «Юный любитель старины». Тут явно постаралась дорогая Маргарита Сергеевна, не зря же её называют Эм-Си. Ну, такой себе Эм-Си.

Явно что-то не так, даже на факультатив сегодня не особо хотелось. Все вокруг Льва собрались и обсуждают, что на слёт взять, какой там номер представить. А я села подальше и сижу. Он обиделся, кажется. Ни разу ко мне не подошёл. Нормальный человек, нет – на ребёнка обижаться? Ну ладно, на подростка, но всё равно. А я, между прочим, ради него скетчбук купила, буду учиться рисовать. Чтобы потом в раскопе всё фиксировать. Всё по правилам.

Вообще-то наши сборища сложно назвать факультативом. Мы там над чем-нибудь постоянно хохочем, слушаем байки историка. Он рассказывает о своих экспедициях, вспоминает наши приколы. Честно говоря, в его пересказе это иногда выходит смешнее и интереснее, чем было на самом деле. Мы так и называем эти рассказы – Львиные сказки. Так бы и слушала.

Сегодня собирали вещи, завтра утром поедem на областной слёт таких же археологических кружков. Называется он – сюрприз! – «Юный археолог». Оригинально. В области, наверно, тысяча археологических кружков, и все они называются одинаково. Не буду повторять в третий раз.

Парни все куда-то после уроков сдулись, так что нам самим приходилось таскать из подвала лопаты, вёдра, котлы. На себе. Почему так? Но я не успела подумать над этим поглубже, пострадать как следует. Дизель взял у меня из рук лопату, а у Дарико – ведро с посудой и потащил наверх. Гляди-ка, пришёл!

Оказалось, что не один, с ним вместе Катерина. И Лев уже вокруг неё прыгает, рассказывает про факультатив, раскопки, завтрашний слёт.

– А вы, – говорит, – поедете? Приглашаю! Ребята, вы же не против?

– Нет, – отвечает за всех Дизель, – не против. Погнали!

– Я бы с радостью, – говорит Катерина, – но уроки. Завтра пятница.

– Я в список тебя внесу, – Лев наконец-то переходит на «ты», – а дома отпустят?

– Да, конечно. Благодарю!

– Дизель, э-э-э, Федь! Расскажешь Кате, что взять с собой?

– Ну, – отвечает Дизель. А новенькая говорит:

– Только Катерине.

– Чего? – не понял Лев.

– Катерине, не Кате.

– А-а. Да-да. Федя, расскажи Катерине всё. Проинструктируй. Особенно про почки. Что надо беречь! – он постучал указательным пальцем по виску и ушёл в подвал.

Это какой-то бзику нашего Льва, идея фикс. Он каждый

раз нам напоминает про наши почки. Если увидит кого на земле без сидушки, кричит:

– Встань! Скорее! Почки свои нежные застудишь! Вставай!

Всё хорошо в нашем учителе, и маленький рост, и большая лысина, только не эти крики о нежных почках. Приходится вставать. Когда кто-то легко оделся, тоже кричит. И когда обувь промокнет. И лужи когда видит, твердит, чтобы обходили. Боги мои, за что это? Его послушать, так почки можно застудить даже стоя в тёплой воде дома под душем. Дома, не в палатке.

Федос и рассказал ей о том, что у Льва такие гнетущие мысли о здоровье. А совсем не про то, что надо почки беречь. Это и так понятно. Правильно, я считаю, пусть побережёт нашего учителя, как мы все его бережём. Его нервные нервы. Ну и я помогла, присоединилась, рассказала ещё про то, что если Лев внезапно заснёт посреди разговора, то это не страшно. Не стоит к этому серьёзно относиться, его всегда на природе вырубают. Такой организм. Обычно он минут через десять просыпается – и снова участвует в жизни! А Федька рассказал, как Лев может затопать – это если что-то интересное в раскопе виднеется, но пока ещё из земли не достать. Он выскакивает мухой наверх и там ногами топает. Топает, свистит и кричит: «Е-е-е!» Потому что в раскопе не больно-то разбежишься и вообще нельзя. Дизель рассказывал, мы слушали, а потом оказалось, что мы вышли из шко-

лы и все вместе идём. Причём не к дому, а куда-то в сторону ипподрома.

– Погодите! – сказал Федька. – Зачем мы здесь?

– Это мы меня провожали, – Катерина говорит, – вот тут мой дом, – и показывает на двухэтажный блочный барак. Старый, его после войны построили.

– Ого, а я думала, там только бездомные живут, алкаши всякие.

– Ну, мы тоже тут пока. До завтра!

И ушла в подъезд. Набрала код на домофоне. Просто ушла.

– Жаль, – сказал Федька, – я только хотел спросить, что она думает о черепашестве.

– Спроси у меня.

– А, да это я и так представить могу.

ЧЕРЕПАШЕСТВО

Что мы знаем о черепашестве? Как можно судить о нём? Только очень отважный человек осмелится сделать вывод обо всех черепахах, видя перед собой только одну из них. Да хоть бы даже и двух!

Совсем другое дело – человек. Как часто встречаем мы в книгах или так, в интернете, рассуждения обо всём человечестве, основанные на наблюдениях за одним или несколькими (до пяти максимум) людьми. Как распространены такие, например, сетования: ах, если б тот человек поступил

иначе (если бы был жив, убит, здоров, сыт, весел), как потекла бы далее жизнь человеческая!..

Кто встречал такие же рассуждения о черепахах? Да никто.

Седины Льва

Утром и без того настроение хмурое, погода так себе, а тут ещё Ирка. Разумеется, она едет. Придётся держаться от неё подальше.

Дизель – понятно, куда без него. Все эти его ломания – да я не знаю, да ещё подумаю – это для виду только, он так кокетничает. Поедет, куда он денется. Гитару взял, петь будет опять, о боги, услышите его и заткните же наконец. Одна надежда – напоить Федьку из родника, может, охрипнет. Или осипнет, всё равно, лишь бы не пел вот это вот своё: жираф большой, ему видней. Старьё какое-то, в самом деле. Наверно, это пласт восемнадцатого века, пятьдесят сантиметром ниже уровня поверхности. Или даже семнадцатого. Поёт и поёт каждую ночь, одна радость – днём затыкается. Днём некогда – копает, как бульдозер на дизельном топливе, вот и получается – Дизель. Летом в раскопе только и слышно со всех сторон: Дизель, к нам! Нам помощи, Дизель! Как дурачок, бегают и помогают всем и сам, получается, без участка своего остаётся. Губанов его спрашивает: не жалко тебе без своего оставаться? А Дизелю не жалко, он всё равно тут за компанию со всеми, без амбиций.

Или вот Дарико поехала. Спрашивается, для чего? Унылая как смерть. Квёлая сутра, не получилось выспаться. Конечно, нахватала себе забот, теперь спать некогда. Тут моде-

рирует группу, там администратором вызвалась. Пялится в телефон, ну-ну. Там связь будет так себе, вот у неё начнётся. Ломка. Из-за Льва поехала, ясно же. Можно подумать, кто-то тут не из-за него. Все, все поголовно. И я тоже. Интересно, в этом году он споёт что-нибудь, нет? В прошлом году спел, так Дизель от восторгов в три раза громче потом засипел своё. Не знаю, я на его месте уползла бы куда-нибудь под куст, чтобы в жизни не позориться больше. Нет, до Дизеля не доходит. Воет, и всё.

Ладно, кто там ещё? Давид и Акпер. Казалось бы. Казалось бы, для чего людям, которые собираются поехать жить в Армению, знать, что там лежит в нукульчинской земле? Скудной, надо отметить, земле. Дня не проходит, чтобы один или другой не сказали: а у нас в Армении. Или: когда мы приедем в Армению! Счастья, как у маленьких щенят. Глаза горят, наверно, в Армении видно. Отсвечивает что-то. «О, – говорят в Ереване, – это же наши там, Акпер и Давид».

Лилька приползла. Рюкзачина с неё ростом – кто бы объяснил, что брать на два дня? Ладно, на три дня и две ночи. Сегодня только к полудню доедем. Пока палатки поставишь, пока костёр разведёшь – вот и вечер. Ужин. Конечно, до ужина ещё дожить, это же Лев. Его только допусти к земле, он тут же начинает раскопы делать, измерять всё своими угломерами и уклономерами, стрелять из нивелира. Как маленький, увидел землю – считай, пропал. Нет человека, был, а теперь в земле копается. Не Лев, а крот вылитый. Всё.

Потеряли. Но нет, он же кричит оттуда, смеётся. «Культурный слой! – кричит из-под сухой полыни, – Всего в тридцати сантиметрах!» Дизель бежит к нему со штыковой лопатой, кричит: «Где? Сейчас!» За ним несутся Давид, Акпер и Губанов. О боги мои. Начинается. Получается, ужин готовить снова нам. Хоть бы воды кто принёс, дров. Вдруг парни срываются с места и бегут в лес. Быстро приволакивают дрова, Губанов тащит воды из родника – ведро, его догоняет Дизель с котлом. Всё успевает: и за дровами, и за водой, и вот он снова первый рядом с учителем. «На лопату!» – кричит Лев. А Дизель уже давно стоит рядом, улыбается во весь рот. Кто бы догадался из мелких в школе, что он может так широко улыбаться! На переменах он идёт и смотрит под ноги – того гляди раздавит первоклашку какого. Правда, никто из начальных классов и не рискует на наши этажи забираться. Они ещё учителей уважают и слушаются. Не то что мы.

Мы приезжаем в Никульчино первыми, вот ещё почему Лёвушка так рад – первыми и копать начнём. Кажется мне, что он всё надеется совершить тут какое-нибудь археологическое и историческое открытие. Да нет, скорее всего, так и есть, не кажется. Вот уж безнадёжно. Нас потому и пускают в Никульчино, что мы ничего толком тут не найдём, ничего не сможем напортить. Как хорошо о нас думают, да?

Через полчаса после нас выруливает автобус. Там люди из Моломы, потом подъезжают из Ильмян, Крежецка. «Хорошо, мы первые успели», – говорит Лилька. Это она про

наш лагерь, что мы первыми выбрали место, где поставить палатки, уже развели огонь в нашем костровище. Нашла чему радоваться. Даже если бы мы приехали последними, никто бы наши места не занял. Мы с Лилькой готовим макароны с тушёнкой, Ирка валяется в палатке. Для чего она ездит? Хоть бы тогда на раскопе была, помогла бы чем. Нет. Я на неё посмотрела, а она вдруг говорит: «Ты, Галчонок, наверно, думаешь, чего это я приехала». Вот зараза! Именно так я и думаю. «Но тебе, Галчонок, не понять моей тонкой душевной настройки, так что отвернись к костру и готовь нам ужин. Только смотри, чтоб не пригорело, как в тот раз». И смеётся. Кочерга. И Губанов, слышу, смеётся, и Давид. И даже друг мой Дизель. Но это они над историком. Он, когда работает, свистит тоненько. Нормально не умеет, только как первоклассник какой. Смешно получается: такой взрослый лысый дядька, а так неумело свистит. У костра его даже не слышно, так, если ветер чуток донесёт.

Ладно, эти слова Ирки я пропущу, сделаю вид, что не слышала. Тоже мне, ещё и Галчонком называет. Это только некоторым разрешено.

Вода закипела, где эта Лилька с макаронами? Пора закидывать. Вот она, стоит возле раскопа, пачку в руках держит. Пришлось кричать. Прибежала такая радостная, говорит, что нашли скребок из камня. Кремешок. Каменный век, не просто так. Порядок, у Лёвушки настроение исправится, а то в автобусе был злой, как пиранья. Думала, на людей ста-

нет кидаться.

После ужина темно, слава богам! Совсем не хочется вечер посвящать копанию. Вообще-то мне нравится, но только не в темноте. Хотя со Льва станется под фонарями копать. А если Дизеля к этому привлечь, он с фантазией подойдёт – факелов наделает, воткнёт по периметру раскопа. Было уже такое, я помню. Но не сегодня, а когда учитель находил что-нибудь интересное. Или чуйка бы включилась – такой говорит, когда ему не сидится, только бы копать, копать. В такие дни, когда у него чуйка, мы и правда что-то интересное находим. Бусины, кости. Ну, такое.

А мне сегодня как-то неохота ночью в земле рыться. Пусть уж лучше Дизель поёт, что ли. Ирка опередила его, говорит: «Спой, Дизелёк, а то после такого ужина как-то тоскливо». А я только хотела встать, пойти в гости к креженцам. Теперь подожду немного, а то подумает, что я на неё внимание обращаю. «Нормальный ужин, ты чо», – сказал Дизель, а сам уже гитару настраивает сидит. Сейчас он споёт одну песню, тогда пойду. Да. Надо тарелку свою вымыть, а то до завтра вот это жирное замёрзнет, совсем противно будет возиться. Я зачерпнула немного горячей воды из котла, смотрю, а у Дизеля уже чистая посуда. Когда успевает всё?

Первым делом Дизель спел, конечно, свою «Батарейку». Терпеть не могу, а всем остальным нравится. На голос прибежали парни из Моломы со своими кружками, со своим чаем или что у них там. Не чай, совершенно точно. Когда Лев

отворачивался или отходил подальше от костра, моломские давали отхлебнуть из кружек нашим – всем, кто хотел. Дизель стал петь громче, но только иногда он забывал провести рукой по струнам, и некоторые песни становились пустоватыми, с провалами. Я сходила в гости к Крежецку, посидела возле их костра. А потом пошла спать, пока не замёрзла, – ночью в сентябре уже холодно. Я легла с краю, скоро пришли Дарико, Лилька, Ирка, Катерина. У костра остались Лев с моломским учителем Михал Василичем. Сначала они что-то негромко обсуждали, но потом наш Лев Ильич разошёлся: «Ну пусть! – кричал, – Пусть учатся! А я им всё расскажу, научу! Может, потом хоть цветочек на могилку принесут мне». Вечно он со своим цветочком и могилкой. Всё в нём хорошо, в нашем учителе, кроме этих слов. Только я успела об этом подумать, как проснулась. Темнота. Рядом со мной посапывает Лилька. Я выбралась из палатки – знаю, потом фиг согреешься, но мне очень уж захотелось в туалет. Костёр прогорел, только светились красным три-четыре уголька. Надо мной стояло чёрное небо с белыми звёздами. Я отошла недалеко, буквально двадцать шагов – и вот палатки уже, можно сказать, слились с ночью.

В этих экспедициях, на этих сборах мне определённо не спится. Я проснулась самой первой, выползла из палатки. И чуть не вляпалась во что-то... Кому-то ночью было плохо, кого-то ночью вырвало. Точно, в кружках у моломских был совсем не чай. Ну вот, будет сегодня нам а-та-та от Льва.

Начнёт своё: а я думал, порадуете старика, а вы на мои седины... Ну, в таком роде что-нибудь, как что не так — он вспоминает о седирах. Хотела бы я знать: где на его лысине седины? Всё хорошо в нашем учителе, и громкий голос, и рыжие ботинки, только не седины, пожалуй.

Я взяла лопату, подцепила это тошнилово вместе с землёй и утащила под ёлку. И причитать никто не будет с утра. Воттак.

Вот кто будет рисовать!

Боги мои, случилось внезапное: Лев нашёл находку! Ну, так это называется, когда кто-то обнаруживает в земле что-то редкое. Утром он нашёл такое в земле и закричал, как жираф. Не знаю, может, и не как жираф, но мне хочется думать, что именно так они и кричат.

Мы завтракали, он разглядывал землю – всё как бывает на этих слётах. Короткое время работы, маленький раскоп. И вдруг – крик!

– А-а-а-а! Детишки!

Все подскочили и побежали к историку. Ирка подавилась, её Губач по спине немного постучал и тоже побежал. Со всех сторон, от каждого костра бежали люди к нашему раскопу.

Лев стоял с поднятой вверх рукой. Правой, кажется. Это неважно, а важно, что в руке у него было что-то крохотное, цвета земли.

– Ну? – спросил Дизель, – Что это?

– Я не знаю, – сказал Лев, – но это находка.

– Что тут у вас? – спросил Михал Василич из Моломы.

– Находка! – сказал Дизель.

– Да ну! Покажите!

Лев передал ему своё сокровище. Михал Василич повертел его в руках, потёр пальцем, понюхал. И сказал:

– Угу. Где было-то, покажи!

Лев наклонился, стал рассказывать:

– Вот тут я смотрю – что-то должно быть, чуйка, понимаешь, включилась с самого утра. Должно что-то быть, и всё. Смотрел-смотрел – точно! С кистью подошёл, только раз провёл – выпало!

– Ага. Ну, рисуйте теперь, чего. Через час викторина.

Как-то сухо сказал моломский учитель, без огонька. Может, позавидовал? А у нашего Лёвушки глаза просто горели.

– Детишки-детишечки! – сказал он и вылез из раскопа, – Хоть кто-нибудь из вас взял карандаши и бумагу? Сможете ли хоть приблизительно нарисовать?

Все молчали.

– Снова мне придётся. Детишечки, всем вы хороши, только вот рисовать никто не умеет.

– Катерина умеет! – сказал Дизель. – Ты же умеешь, да?

– Да я же так. Не очень, – ответила она.

– А тут очень и не нужно. Главное – точно нарисовать.

– Может, сфотографировать? – спросила Катерина.

– Обязательно! Но и нарисуем тоже! И даже в первую очередь! – кричал Лев. – Боже мой, какое счастье! Наконец-то у нас будет рисовальщик!

И он полез в палатку за миллиметровой бумагой и карандашами. Потом вылез и начал объяснять Катерине, как нужно нарисовать, что должно быть обязательно изображено. Таким голосом он это говорил, будто упрасивает. Сто лет я знаю этого человека, нашего учителя, а ещё ни разу не

слышала, чтобы он кого-то уговаривал. Стареет, что ли?

Мы пошли на викторину, а Катерина осталась в раскопе – измерять расстояния рулеткой, рисовать. Лев был с нами и не с нами. То и дело он срывался с места и бежал смотреть, что там у новенькой получается. И вдруг закричал:

– Да-а! Моя ты красота! Ура!

Мы проиграли в этой викторине, немного, но всё же. Наша слава непобедимых львят была сокрушена. Но Лев Ильич не обратил на это никакого внимания: конечно, у нас же была находка.

– Наконец-то у нас появился художник, – говорила после викторины Ирка, – Шишкин.

– Репин, – ответила ей Дарику.

И они засмеялись. Понятно, не будет новенькой житья от наших девчонок.

– Точно Лев Ильич сегодня «Бабайку» вечером споёт. Вот увидишь, – сказала Ирка.

И правда, у нас был фантастический вечер у костра, нереальный! Эту «Бабайку» Лев спел раза четыре! И каждый раз говорил:

– Дети! Эта песня 16+! Не слушайте её!

И мы все кричали во всё горло. Все, кто приехал на слёт:

Бабайку на пол уронили!

И разорвали олимпийку!

А я скажу вам всем, в натуре,

Я не забуду свою Мари-инку!

Всем было весело, Дизель только что-то грустил. Я спросила, чего он хмурый. Он только покачал головой. Ладно, захочет – сам расскажет.

Когда я ушла спать, песню начали в пятый раз.

Сенсация

Шумно как было на этом собрании, просто невозможно. Не люблю шум, сборища, толпняк этот тесный. Лёвушка с самого утра в понедельник повесил объявление на доске с расписанием:

Сегодня состоится

ЛЕКЦИЯ-ОТЧЁТ

о поездке учащихся восьмых классов
на слёт «Юный археолог» и нашей находке.

Докладчик: Лев Ильич Давыдов.

Будьте все! Такого больше не повторится!

СЕНСАЦИЯ!

«Сенсация» была написана красным маркером. А все остальные слова – чёрным. Сразу заметишь. Такие бумажки висели на каждом этаже, на лестницах. Ещё была на буфете. На решётке гардероба. Только там было добавлено: «Не уходи! Поспешి на собрание!»

Целый день Лев гонял по коридорам, будто ему кто придал ускорение, глаза его сверкали, лысина блестела, а редкая поросль топорщилась во все стороны. А за ним так же быстро гоняли и Дизель с Губановым. И были примерно в таком же состоянии: растрёпанные, быстрые и счастливые. Конечно, это же они были рядом с историком, когда нашлась находка, это же они помогали ему!

На собрание в актовъй залъ пришло столько народу – чуть не полшколы. Девятые, восьмые, десятые классы. Не полностью, конечно, но очень много людей. Гам, как я уже сказала, стоял невообразимый. Вообще-то за время учёбы в школе и не к такому привыкаешь, но за лето я успела немного передохнуть от шума и гула, поэтому мне так не нравилось. Придётся заново приспособливаться к массовке. Хотя бы скорее вышел Лев, рассказал всё. Разумеется, я и так знаю, что он скажет. Но просто охота лишній раз послушать нормально-го человека.

– Детишечки! – крикнул он.

– Мы! – кричали ему. – Мы!

– Что там? – спрашивали одни.

– Слушаем! – говорили другие.

Это лишь то, что я смогла разобрать. Остальное – неразборчивые фразы и голоса. Бултыхаются и плещутся, в стекло бьются.

Лев Ильич поднял руку, снова сказал:

– Детишечки!

И так стоял, пока в зале не стало тихо.

– Вот что я могу вам сказать, вот какой поделиться радостью, – говорил Лев уже спокойным голосом, – но сначала отчёт о слёте.

Зря он так. Лучше бы обрадовал сразу. Вот чего не хватает нашему учителю – тонкости в работе с людьми. Все заёрзали, заговорили вполголоса. Лев снова поднял руку, и все второй

раз замолчали.

– У нас три достижения. Во-первых, наша команда заняла второе место.

– Фу-у! – закричали в зале. – Облажались! Фу-у! Неудачники!

– Во-вторых, мы произвели разведку и прикидку на следующие экспедиции. В процессе разведки была найдена находка!

– Ура! – закричали все. – Находка! А-а-а!

Кто-то даже засвистел, но, когда директор привстала со своего места, тут же перестал. Все замолчали.

– Расскажите подробнее, Лев Ильич, – попросила она, видимо, чтобы два раза не вставать.

– Ну что я могу сказать? На первый взгляд ничего особенного в этой находке нет. Маленький предмет, в земле. Вот он, лежит теперь на моей руке. Но на второй взгляд, когда мы аккуратненько отмыли его в воде, нам открылось чудо!

– Да ну! – крикнул кто-то на последних рядах. Очень вовремя крикнул, потому что Лев Ильич надулся от важности своего сообщения и чуть не вылетел в окно, как воздушный шар. А от этих слов он сдулся обратно.

– Да! – ответил он. – Да-да, чудо. Это находка эпохи бронзы! Если подобные находки повторятся, мы сможем с уверенностью сказать: в Никульчине жизнь цветёт ещё с самых древних времён. У нас жили древние люди! Ура!

И все снова закричали, захлопали, засвистели, направи-

лись к выходу. Очень быстро направились. Всем хотелось погулять в последние тёплые дни – на выходных обещали перемену погоды, холодный ветер.

– Но это ещё не всё, – сказал Лев Ильич.

В это время на сцену вышла Наталья Олеговна, директор, и сказала:

– Внимание всем!

Вот не люблю, когда говорят так. Нет бы там «внимание, все», так нет – всем внимание.

– Внимание, – повторила директор, – завтра, во вторник, объявляется субботник по уборке территории. Все слышали?

Но почти никто уже не слышал – в зале становилось всё меньше и меньше людей, всё тише, слава богам. Остались только мы, те, кто был на слёте, наш «Юный археолог». Директор сползла со сцены.

– В-третьих, – тихо, только для нас почти прошептал Лев, – в-третьих, я поздравляю нас с приобретением художника. Отныне во все экспедиции мы берём с собой Катерину. Правда?

– Ну-у, – говорит она, – ну-у. Это очень неожиданно. Можно подумать?

– Думай, – ответил Лев Ильич, – следующее занятие в четверг, если кто не помнит, – прыгнул со сцены на пол и ушёл из зала. Вот такой он стремительный.

– Что тут думать? – спросил Губанов Катерину и постучал

себе по лбу. – Кого ещё Лев так запросто пригласит в экспедицию? Ты понимаешь?

– Ничего, пусть девочка подумает, – сказала Ирка, – только хорошенько. А то нам второй такой, как Галка, не нужно.

И вышла из зала.

– Чего это она? – спросил Дизель. – Какой такой? Ты-то тут при чём?

Молочный брат

У меня что-то с лицом – меня никто не любит. Ну, кроме самых близких. А особенно Ирка не любит, терпеть не может. Говорит, что признаёт только совершенство. Или хотя бы того, кто к этому совершенству движется. Все наши девчонки попадают в эту категорию и почти все парни. А я – из другой системы координат. От красоты, ума и нормального характера я настолько далеко, что можно даже не пробовать встречаться с ними. Мы никогда не пересекаемся, примерно как параллельные плоскости, но только по-другому. Сомневаюсь, что вообще кто-то знает, как нас совместить. Во всяком случае, так можно подумать, если всерьёз слушать Ирку. У меня не получается не всерьёз. Она недели не может прожить, новый изъяс во мне находит. И оказывается права, вот в чём дело.

Прихожу домой расстроенная, что-нибудь ем. Почти всё ем, мало чего остаётся. Вот и толстая. Вечером мама спрашивает:

– Что, опять Ира? Рассказывай.

И я говорю:

– Я толстая.

– Допустим, просто крупная, но это израстётся, вот увидишь, – отвечает она. – Что ещё?

– Мало, что ли?

Мама молчит.

– У меня противный голос, – продолжаю я.

– Совершенно милый голос, – говорит мама, – я, когда его слышу, всегда радуюсь. Звони мне почаще.

– И ещё у меня круги под глазами.

– А вот тут я соглашусь! – вдруг соглашается мама. – Но это исправимо. Просто не сиди по полночи у компьютера.

– Ну мам!

– И Ирку свою не слушай.

И так мы каждый вечер. Я всё про Ирку ей рассказываю, моей бедной маме то есть, всё, что мне Ирка говорит. На мамином месте я бы уже кого-нибудь из нас начала бы убивать. Меня или Ирку. Лучше Ирку, конечно. А она – ничего, слушает каждый день.

– Не обращай, – говорит, – внимания.

Она всегда мне советует не обращать на что-нибудь внимания. Ещё с того возраста, когда я не могла выговорить слово «внимание», а говорила приблизительно: мань-манья. Нечего возразить, разумеется, не стоит обращать внимание на Ирку. Всё тлен и мрак, мама права. Ноу меня не получается.

После уроков я спускаюсь по лестнице и думаю, что сейчас приду домой и съем половину батона! С молоком. Никому не нравится молоко, я знаю, а мне нравится. И хлеб давно никто из наших девчонок не ест, чтобы не поправиться случайно. А я ем. И внимания ни на кого не обращаю. Мань-

манья! Может, маме позвонить?

– Мне некогда, – говорит мама, – я тебе рада, но совсем не могу говорить, вот поляки в дверях, целую, пока, – и кладёт трубку. Вечно эти поляки. Мама работает бухгалтером. Их фирма покупает в Польше рождественские украшения: венки, светящихся ангелов, санта-клаусов в красных ботинках. Как ни позвонишь, у неё каждый раз поляки в дверях стоят. Удивительно.

Был бы рядом Федька – рассказал бы что-нибудь. Пусть ерунду, главное, весело. У него почти всё выходит смешно. Я имею в виду, когда он рассказывает, оказывается, что даже на самом скучном уроке (это химия) у нас бывает прикольно. У Льва тоже так. Везёт же людям, а я вот этого сама не замечаю. Но Федьки нет, он как раз погнал в химический кабинет расспросить про опыт с серой. Или не с серой? Вот упёртый. Сказал, что будет в медицинский поступать, а там нужна химия. До медицинского ещё три с лишним года, а он уже органические соединения изучает, мы до них только к десятому классу доберёмся. Точнее, это они доберутся, я уйду в училище какое-нибудь. Ну пусть изучает себе.

У гардероба стояла Катерина, копалась в своей сумке. Лицо красное, волосы белые – непередаваемо. Ирка бы обязательно остановилась полюбоваться картиной.

– Ты чего? – спросила я. Надо же было что-то сказать.

– Похоже, ключи забыла. Мама сегодня выходила после меня, я и не запирала дверь.

– У вас там что-то запирается? Я думала, так, проходной двор.

– Запирается.

– Позвони маме.

– Она в техникуме, как раз сейчас лекция идёт. И трубку не возьмёт. Приедет часа через три.

– Тогда пошли ко мне, – говорю.

– Правда?

– Ну! Я тут рядом, в семи шагах.

И мы пришли ко мне. Для начала спустились погулять с Маркизом. Я думала, выбегу с ним на минутку, вернусь, но Катерина отправилась со мной. И мы дошли до сквера. Давно пёса так не радовался! Одной мне лень с ним долго ходить, а за компанию – хорошо. Да и вообще всё было нормально, мы поели, поучили геометрию. Потом я вышла из комнаты, поставила чайник, слышу – Маркиз лает. Королевский пудель – голосина у него! Захожу, а там Катерина стоит ногами на кровати моей, закрыла лицо руками. А пёс лает, на неё смотрит. Я его успокоила, больше он не лаял, но Катерина всё равно боялась, ходила по стеночке. Позвонил Федька, говорит:

– У тебя, что ли, Маркиз орёт? Я сейчас по лестнице поднимался.

– Да ну его, балбес совсем. О, тебе привет от Катерины, кстати, вот она машет рукой, – она в самом деле махала, но, кажется, не Федьке, а мне, потому что Маркиз опять начал

к ней ближе подходить.

– Сейчас приду к вам, только булку слопаю. С молоком.

– Ты уверен? – спросила я, но он уже не услышал, положил трубку. Дело в том, что он страшно матерится, когда не в школе. И не на раскопе. И не дома. Когда у меня, тогда почему-то он сильно матерится.

Я телефон на стол положила, Маркиза приструнила, сообщила, что сейчас Дизель придёт.

– Это он звонил? – спрашивает Катерина. – Я ему привет передавала?

– Ну.

– Слушай... Он твой парень, что ли?

– Хо. Парень. Брат.

– Как – брат? А почему у вас...

– Молочный. Только ты не говори никому, ага? Никто не знает.

Не знаю, зачем Катерине вдруг сказала. Случайно вышло.

Федосья

Придётся тут прерваться, чтобы рассказать о Дизеле. Как так вышло, что мы с ним вроде брата и сестры, а на самом деле совсем не родственники. Зато у нас дни рождения близко и мамы наши лежали в одной палате в роддоме. Ну и живём мы в одном подъезде. Долго рассказывать, и зачем я только проговорила Катерине? Много слов, не люблю, когда много слов.

Когда Федька родился, мне было уже два дня. Но росла я не очень, ела плохо. Ау мамы было много молока. И она делилась им с тётёй Аней, для Федьки. Так мы и выросли – на одном и том же мамином молоке. В детском саду и в школе – мы всегда были вместе. Только он крутой, а я – ну, так. Со мной никто почти не разговаривает, на переменах могут поболтать, но не больше. Да и мне не очень интересно с одноклассниками. Ну и не с одноклассниками тоже. Вообще мало что интересно в этой жизни, разве только археология. И то если бы не Лев, то я бы об этом и знать не знала. Не представляла бы даже. Домой я всегда иду одна. Или с Дизелем. И мы в одно время по утрам из дома выходим, так что и в школе появляемся одновременно. Всегда. Если бы не Федька, то моя жизнь была бы уж совсем мрачной и тленной. А было же и другое время, понормальнее. С Иркой мы не то что на переменах, а и после уроков разговаривали, и

в бассейн вместе ходили. Идём из бассейна по темноте, купим в пекарне по булочке с корицей – красота. Идём, смеёмся. Дружим. Но это раньше. Тогда и все остальные на меня смотрели не как сейчас. А обычно.

Кажется, я всё рассказала про Дизеля. Не всё, конечно, но чувствую, что больше нечего говорить. То есть слов про него почти не осталось. Странно, а я бы могла рассказать очень много. Это примерно так же, как я писала сочинение про маму. Написала на тройку, и то мне оценку завысили. Я там только и смогла выдавить из себя, что мама красивая, добрая и вкусно готовит. Ну и рецепт маминых фирменных сырников.

Вот это засада так засада. Кого любишь, про тех слова теряешь. А про других можешь говорить долго. Вот про Ирку, например. Но это как-нибудь потом, не сегодня.

ПЛАСТМАССОВАЯ ЧЕРЕПАХА

Мне хотелось перестать думать про черепаху, и я почти перестала, но вдруг эти черепахи стали одолевать меня. Пойду ли в ювелирный магазин, просто посмотреть, что там новенького, – а там черепаха с блестящими камушками, такая подвеска. Или вдруг услышу песню черепахи, она очень известная. Или вот включишь телевизор, там всё тревожное-тревожное, и вдруг выезжает черепаха на скейте, звезда экрана, главная героиня внезапной рекламы. Да смешно сказать, даже мой пин-код на телефоне – это слово

«черепаха» в нужной транскрипции. Словом, оказывается, черепахи всюду. Кончилось дело тем, что в магазине «Всё за 57» я купила игрушечную черепаху из Китая. Долго думала, выбирала. Вот черепаха знакомого с детского садика окраса, панцирь матовый. Вот черепаха морского окраса, но земной формы, тоже матовая. И снова классическая черепаха, но уже глянцевая. Лапы, хвост и голова у всех резиновые, панцирь можно разобрать, если будет такое желание, это хорошо, хоть увидишь, как всё внутри устроено у них. Я выбрала классическую матовую черепаху за 57 рублей. Все ругают Китай, но есть польза и от него.

Копилка бесполезных знаний

Каждую среду мы с Катериной после школы идём ко мне. Не знаю, что там у неё происходит в этот день, почему она не может сразу после школы идти домой. Я могла бы спросить, но на что мне это? Ещё одни сведения в копилку бесполезных знаний. У меня и так там накопилось достаточно, так и катаются, погромыхивают. От Дизеля, например, мне досталось такое: скальпель держат в руке так же, как держат ручку. Теперь я это уже несколько дней знаю. Зачем? Или вот раза два мы с Митрохиным таскались по помойкам, искали корм для всех окрестных собак. И я за это время столько всего услышала: где какую рыбу ловить, где в городе больше всего голубей, где собак. Абсолютно бесполезные для меня знания, абсолютно. Но зачем-то они застревают в голове и иногда показываются миру. Шли как-то в среду с Катериной и моим Маркизом гулять, куда-то далеко забрели. Вдруг я вижу, на доме написано название улицы: Июньская. В этом районе все улицы с какими-то такими названиями: то Июньская, то Ромашковая. И тут я говорю Катерине:

- Если идти вниз по этой улице, выйдешь к остаткам старицы, там можно поймать сома. Мне Митька сказал.
- Митька? – спрашивает Катерина, – Это Женька, что ли?
- Ну да, Митрохин.
- Слушай, чего его все гнобят?

– Так это ж Митька. Маленький, псиной от него несёт, весь в собачьих слюнях. Ходит, ищет чего пожрать для собак. Голубей стреляет, рыбу ловит – всё для них. Я с ним ходила как-то, так он знает, где больше всего собак и кто может им отраву подсыпать. Вот про сомов, видишь, сказал – он знает, где какую рыбу ловить.

И я рассказала, как Митька однажды чуть не утонул. Весной сидел на льду, рыбачил. А лёд уже тонкий, апрель. И Митроха провалился. Начал под воду уходить. Хорошо, что был не один, отец его вытащил и так погнал домой греться, что у того в ушах загудело от скорости. Я сама не видела, но представляю, как младший Митрохин мчит в своей мёрзлой одежде, мокрый, но уже не от речной воды, а оттого, что взмок, так гнал. А за Женькой гонится отец, размахивает над головой жестяным рыбацким ящиком. Всё кончилось хорошо. Ящиком он никого не задел, а Митяй болел две недели. За него родители ещё и страховку получили. Они его каждый год страхуют от несчастного случая и каждый год получают страховку, потому что с ним такие случаи происходят часто. Он просто мистер Тридцать-Три-Несчастья. На уроке у него со стола скатываются ручки, сползают тетради на пол. Потом по ним случайно проходит учительница во время урока. Шнурки на его кроссах развязываются, и на них кто-то ступает. Если брызгаются водой, мимо обязательно проходит Митроха, а потом появляется на уроке мокрый с головы до ног. Словом, трудно найти другого такого же неудач-

ливого человека. Он один – наш Митяй.

Недавно новая напасть – но про неё можно Катерине не рассказывать, она сама наблюдает, как Римма Константиновна, биологичка, на каждом уроке привязывается к нему.

Причём она так умеет сказать, что хочется её выключить, как телевизор. И не только звук, но и изображение. У неё получается смешно и обидно. Обидно тому, к кому она цепляется, а смешно всем остальным. Вот мне и хочется её выключить, потому что у меня, например, голова взрывается, не поймёшь, что делать – смеяться или сочувствовать Митьке.

– Так что, – говорю, – то, что она тебя не так назвала, – это, считай, чистая радость и удача. И не то бывает у людей-то. Сама видишь, как она к Митрохе цепляется.

Но она не ответила. Молча мы прошли несколько улиц, потом повернули в сторону дома. Маркиз уже весь изнылся, замёрз, похоже.

Дома мы пили чай, не по одной кружке выдули. Как мама выражается: шлычкали стакан за стаканом. Катерина всё удивлялась, что никто Митроху не защитит, никто не скажет Римме, что так нельзя вязаться к человеку.

– До неё не доходит, – говорю, – она себе каждый год кого-то нового выбирает.

В пятом классе ей не нравился Дизель, точнее его кроссовки на тёмной подошве. Она утверждала, что чёрные полосы на полу по всей школе – из-за его обуви. В седьмом классе

Римма постоянно намекала, что некоторые очень много едят булочек. Глядя на меня. На каждой биологии! Сто раз мне хотелось просто встать и выйти из класса. Однажды вышла. Ничего хорошего. После этого в конце каждой биологии наша классная проверяла, все ли на месте. Но хотя бы Римма от меня отстала.

В прошлом году биологичка приставала к Эльке Кремлёвой, всё что-то говорила про её причёску: то она слишком лохматая, то наоборот, какая-то куцая, то цвет волос ей покажется каким-то неправильным. Вообще-то Кремлёва – одна из немногих нормальных людей, спокойная как слон. Но когда Римма Константиновна в конце третьей четверти снова завела разговор о причёске, Элька вся сжалась и хрипло сказала:

– Глохни!

Римма не поняла, говорит:

– А?

И Элька повторила, уже громко:

– Глохни, ты. Реально, – и сматерилась. И такая наступила тишина, будто оглохли все, ну я по крайней мере.

Потом, конечно, Эльку таскали к завучу, к директору, она писала какую-то объяснительную или что-то такое. Но главное – Римма от неё отстала. Она даже и не смотрела в её сторону теперь. До конца учебного года она вообще ни к кому больше не приставала.

– Если бы Митька так мог сказать, она бы отстала от него.

А он видишь какой.

Схема

Эта схема нам известна, всему классу, а Митьке особенно.

Катерину вызвали к доске на русском. Она вышла, пишет там, разбирает предложение. И тут Ирка поворачивается к классу и показывает, будто её тошнит. И Лилька так же. И Дарико с Губановым. Ну, Губач не показывал, что его тошнит, просто скорчился. Потом, когда Катерина шла к своей последней парте, девчонки на неё так посмотрят – и глаза опускают, нарочно. И ехидно улыбаются.

И это теперь на каждом уроке. И на переменах не лучше. Кто-нибудь подойдёт к Катерине, спросит что-нибудь, про английский или так. Катерина начинает объяснять, а она хорошо объясняет, уж это точно. Говорит, говорит, а человек от неё отходит. Просто – ни «спасибо», ни «ой, надо бежать», ни «извини», конечно. Просто начинает не в ту сторону смотреть или уходит. Молча. Потом ещё кто-нибудь что-то спрашивает. Или даже этот же человек, только на другой перемене. И Катерина снова ему рассказывает, как будто всё нормально. Ну не знаю, мне бы с первого раза уже не понравилось, а если бы кто-то так сделал дважды – ну, я просто развернулась бы и ушла. А Дарико наверняка наступила бы на ногу. Она так на ноги ступает, только смотри за ней. Внезапно и больно. Это самая сильная сторона в её личности – ноги. Вроде бы знаю её сто лет, а всё время она застигает

меня врасплох. Стоишь рядом с ней, бац! – она уже два раза тебе на ноги наступила. На обе.

Словом, никому бы не понравилось, что его перестают слушать, да ещё специально. Но только не Катерине. Она каждый раз радовалась, когда кто-то к ней подходил. Удивительно, честное слово.

Но это ещё не всё. На перемене, только Катерина выйдет из класса, любой человек, всё равно кто, берёт её сумку и куда-нибудь перекладывает. Кому-то другому, за батарею или в шкаф с наглядными пособиями. Как-то на уроке Дарико меня попросила сумку у новенькой взять незаметно, передать дальше – наши парты рядом стоят, я уже говорила. И тут Катерине повезло. Потому что я не согласилась. Вот ещё. Сами берите, если надо.

Перед физкультурой наступала наша с Катериной мука. Сначала мы ждали, когда все переоденутся и выйдут. Потом отворачивались друг от друга и переодевались. На скорость. Потому что последнему приходилось закрывать дверь и вешать ключ на крючок в спортзале. Засада в том, что крючок очень высоко. Для меня нормально, но я ненавижу заходить в зал последней. А для Катерины высоко. Чаше всего я успевала переодеться вперёд, так что Катерина прыгала под этим крючком. Все уже бегали, разминались, а она вот скакала. Повесит ключ и потом бежит со всеми. И так говорит, негромко, но я всегда слышала:

– Тоже разминка, прыжки-то.

Последний раз, когда Катерина так прыгала, Ирка остановилась и встала скрестив руки. И Лилька, и Дарико. И вообще почти что все девчонки. Разминка сама собой прекратилась.

– Ой, ну давай я тебе помогу, несчастной, – сказала Ирка и запросто повесила ключ.

– Спасибо, – сказала Катерина. Все побежали.

Вот мне интересно: она в самом деле такая блаженная или просто хорошо притворяется, будто ей всё равно? Понимает ли она, что над ней смеются? Или просто она не знает, как ответить, вот и делает вид, будто так всё и должно быть?

А дальше будет ещё хуже, это известно.

Карточки

Лев просил меня расставить карточки, проверить, всё ли в них нормально. Сделать короткое описание для остальных. По-человечески. Ещё бы сказал – печатными буквами. Или там упаковать в коробку с бантиком. Ну вот, как во все экспедиции звать – так Катерину, как муторное что сделать – это ко мне. Снова я и опять я. Пользуется тем, что я могу побыстрее, чем все другие, всё сообразить и переписать. По-моему, какая-то бесполезная работа. Если тебе надо узнать, что мы откопали, так посмотри карточки сам. Всё равно, если сильно заинтересуешься, полезешь в каталог. Но Льву разве это объяснишь? Бесполезно. Я с ним не спорю, нужно – сделаю. Мне не то чтобы трудно, просто нудно. Ну ладно, оукей. На что не пойдёшь ради Льва. Тем более он тоже будет рядом проверять тетради. Можно поговорить. Хотя это вряд ли. Лев-то готов, и ему болтовня даже не мешает. Но я ничего не могу сказать, когда никого из наших рядом нет. Просто молчу и не могу выдать ни слова. Даже о погоде. Со всеми людьми так, даже с самыми интересными. Хотя нет, с Иркой мы всё время болтали. Постоянно. Я иногда даже удивлялась, откуда у меня столько слов появляется. Однажды мы с Иркой сидели после уроков Льва, трындели о всяком. Было весело, начиналась весна, с крыши капало, солнце в окно. И я так разошлась, что историк даже бросил проверять

тетрадки, сидел и слушал меня. Сейчас не помню, что я там говорила, остроумное что-то. Когда заметила, что Лев сидит раскрыв рот и смотрит на меня, замолчала. А он сказал:

– Вот это голова у тебя! А на уроках молчишь!

Я потом, когда шла домой, всё не могла вспомнить, о чём только что говорила. До сих пор не вспомнила.

Карточек было немного. Хоть и копали в этом году прямо в городе, но людей всё равно участвовало мало. Июль был холодный, посмотришь в окно на морось и тусклую серость – и не захочешь из дома показываться. Так многие и делали – сидели по домам. И правильно, могу я сказать. Раскопки были скучные: мы пять минут копали, потом по часу ждали, когда кончится дождь. Потом ещё сушили раскоп: берёшь губку, промокаешь её в луже, выжимаешь в ведро. До тех пор, пока всё не выжмешь. Главное тут, чтобы ведро было не дырявым, иначе всё бесполезно. И только после этого копаешь. По-моему, едва ли найдётся полных два часа, когда мы работали и не прятались от дождя под навесом.

Итак, что мы нашли в июле? Керамика – 30 штук. Точнее говоря, 30 обломков горшков, просто они так называются: керамика. Фрески – 20 штук. С фресками та же ерунда, что и с керамикой, – название для обломков расписанной стены. Я не сразу научилась отличать обломки чего-нибудь стоящего от простых камней. Да чего там, Лев тоже иногда долго думает, что это ему принесли. Камень, не камень? Смотрит на что-то непонятное в руке, бормочет: бододавка, не бодо-

давка, додинка, не додинка. Ого, что вспомнила, из анекдота про черепаху, снова черепаха. Куда мне от них деваться? Повылазили на мою голову.

Все черепки описаны в сопроводительных карточках: на какой глубине, в каком квадрате найден каждый из них. Примерная площадь поверхности: 1 см^2 , 5 см^2 . Больше нам, пожалуй, и не попадались. Да чего я говорю – пожалуй? Вот у меня тут всё записано. Совершенно точно говорю: не было. Я всё собираю в одну кучку, делаю один список фресок и черепков, потом анализ: на какой глубине было больше обломков, где не было совсем. В другой день ещё посмотрю в других карточках: были ли рядом кости, человеческие или, например, собачьи? Коровьи ещё могут быть, лошадиные, да мало ли чьи? Я всё время думаю: как жили эти люди? Представить невозможно, хоть Лев и рассказывает это на уроках и так, на факультативе. И какие-то книги о древней жизни я читала, однажды сочинение на областной конкурс писала – про доисторического мальчика. Ничего не выиграла, конечно.

Я сделала список, убрала карточки на место, говорю Льву: – Пойду, с костями буду в четверг разбираться. – Какая молодец! Ласточка, рыбонька, солнышко, как бы мы без тебя обходились? До четверга, да? – и он даже встал со стула и руку как-то протянул, будто хотел пожать мою. Или показалось?

Я уже была у дверей, когда ко Льву пришла Ирка.

– О, – сказала она мне, – привет! Как дела?

Клянусь, это она со мной заговорила, не я с ней. Боги мои, что-то случится!

– Ну так, – сказала я, – ничего, – и ушла.

Плоская тайна

Катерина записала у себя на стене: «Тайна должна быть плоской. Тогда её никто не увидит». Я прямо замерла, когда прочитала. Это очень правильно, во-первых. А во-вторых, я тоже так говорила, в детстве, в пять лет, мама до сих пор вспоминает, а я за это злюсь на неё. Она ещё изображает, как я ладони складывала, чтобы показать, какая плоская должна быть тайна. Надо же, пока я стараюсь, другие люди пишут в открытую, у себя на стене. О том же самом. Я не успела подумать над комментарием, как написала и отправила его, очнувшись только, когда увидела: «Ничего себе!» А потом уже в личке объяснила, что я точно так же когда-то говорила. Катерина тоже написала: «Ничего себе». Потом замолчала. Через полчаса вдруг – звонок в домофон. Пришла, гляди-ка. И давай с порога мне рассказывать свою теорию о плоскости тайны и как эта плоскость в человеке располагается. Оказывается, она так немного наискосок проходит через левое полушарие мозга, горло, сердце, печень, кишечник и заканчивается в области правого бедра. Она даже открыла в телефоне рисунок внутреннего строения человека, показала наглядно. Не знаю, откуда у неё в голове взялась такая идея. В моей, например, ничего подобного нет.

– Слушай, – говорю, – допустим, так. Вот эта плоскость. Но ты думаешь, у человека только одна тайна? А если две,

три? Если тринадцать?

– Но они ведь пло-ски-е! Совсем плоские, понимаешь? Как, я не знаю, лист бумаги, даже ещё тоньше! Плоскость же!

Их много может войти, но не тринадцать. Двенадцать самое большее. Потом сердцу становится тяжело, может не выдержать. Ну и мозги не резиновые, сама понимаешь. Человек несовершенен.

– Ну, – я говорю, на удивление спокойно, между прочим, говорю, потому что такую ерундель я ещё не слыхала, – ну, допустим, это плоскость. Допустим, она проходит через голову, сердце и печень, допустим, кишечник после этого остаётся целым и невредимым. Но откуда ты это взяла? Просто придумала? Так я, знаешь, тебе сейчас ещё чего-нибудь насочиняю почище этого. С чего бы начать?

А она говорит:

– А ты сама подумай! Давай, пошевели мозгами. Если у тебя одна тайна – это ничего. Потом две, три – и тяжелее в сердце. Значит, первое мы доказали: плоскость проходит через сердце. Дальше. Тебя грузят ещё какими-то тайнами – ты не все их помнишь, про что-то ты вообще можешь забыть, что это тайна. Делаем вывод – плоскость проходит через мозг. Но через какое полушарие? Давай дальше. Тайн больше, с ними ходить тяжело, не то что бегать. Вспомни, когда бежишь – в боку колет. Там печень!

– Вообще-то колет из-за селезёнки, спроси у Дизеля, он в этом отлично разбирается.

– Селезёнка болит, ладно. Так. И получаем плоскость, которая проходит по сердцу и селезёнке. И печени всё же. Если её продлить вверх – как раз попадаем в левое полушарие. А вниз – бедро. Ну вот!

Я не знала, что мне сказать. С одной стороны, это, конечно же, ерунда и чушь невероятная. А с другой – плоскость она провела, пожалуй, правильно.

– Да уж, – говорю, – никогда не думала, что меня в моём возрасте можно ещё чем-то удивить. Давай Дизеля позовём! Это не тайна?

Дизель сказал, как только услышал теорию:

– Интересно. Но антинаучно.

– Почему? Ну вот почему? А если предположить? – Катерина чуть ли не прыгала вокруг Федьки. Она даже Маркиза сегодня не боялась и не замечала.

– Хорошо, – сказал послушный Федос, – предположим. Есть плоскость, которая проходит через левое полушарие, печень и всё такое. Но почему она не мешает работе органов? Это же невозможно.

– А если толщина плоскости – всего одна клетка? А?

– Тогда кто тебе гарантирует, что плоскость будет плоской? Она же деформируется, когда огибает другие органы.

– Давай нарисуем! – сказала Катерина. А я пошла на кухню ставить чайник. Ясно, у этих умников разговор надолго. Пусть они двигают и толкают науку, упираются в неё плечом. Я буду пить чай. Ничего, они скоро сами прибегут. Но

послушать было интересно: вдруг в самом деле у нас может быть плоскость тайны? Я разлила чай по кружкам, поставила их на разделочную доску, положила хлеба, масла, селёдки и принесла всё в комнату.

– Тогда получается, что твоя плоскость – с дырами, чтобы не страдали внутренние органы! – уже кричал Дизель.

– Сам ты внутренние органы, то есть дыры в плоскости. Ну да, дыры, пускай, но плоскость-то есть!

– Сами вы дыры! Сами вы внутренние органы, – сказала я и дала каждому по бутерброду с селёдкой. – Давайте есть, а то кое-кто и правда слишком плоский.

Катерина вскочила, побежала в коридор.

– Я не про тебя! – закричала я, но было поздно. Она уже выскакивала в подъезд.

Я побежала догонять, но Катерина оказалась такой приткой, что ускакала с космической скоростью. Ладно, как хочет. Можно подумать, мне мало было хлопот, за ней ещё бегать.

– Что это с ней? – спросил Федька. Вот я поражаюсь: вроде умный человек, а тормозит, бывает, так, что стыдно за него становится.

– Ну посмотри на неё. Ни рожи ни кожи, как говорят. И у всех девчонок уже есть грудь, хоть какая-никакая. Ау неё?

– А-а, – сказал он. – А чего ты правда начала про неё?

– Я не про неё, я тебя имела в виду! Тоший.

– Ну-ну, – сказал Федос, сделал глоток чаю и вдруг закаш-

лялся, захлебнулся. – Вспомнила тоже. Тощий.

И правда, вспомнила. Дизеля так называл его отец. Казалось бы, это же не какое-то хорошее слово, а у него получалось хорошо, нежно. Потом он заболел, высох как-то, сам стал тощим. Теперь уже его можно было так называть. Но никто не называл, все жалели. Потом он умер.

– Ладно, – сказал Дизель, – мне пора тоже. Поке.

И он ушёл. Тоже обиделся, похоже. Одним махом двоих сразу. Вот же засада!

ЕДИНОЕ ЧЕРЕПАШЕСТВО

Тем и хорошо черепашество, что оно едино и неподелимо. С какого боку ни подойди, всё будет правильно. Не бывает теоретического или прикладного черепашества: практика и пустое бахвальство, а также тактика со стратегией идут под ручку, а если точнее, их руки – клубок. Сплетены и спаяны, не разорвать. Не зря, не зря дан черепахе плотный панцирь, и неспроста она прячет органы внутрь – мы ещё убедимся в её правоте.

Среда и Древняя Греция

Боги мои, как трудно бывает извиняться! Правда, мне почти не приходится. Утром мы, как всегда, шли вдвоём с Дизелем. Он молчал, я тоже. Уже у школы, на крыльце, я спросила:

– Злишься?

– Нафиг надо.

И он открыл дверь. Засунулся в коридор первым, а я за ним. В гардеробе встретили Катерину.

– Привет, – сказали мы с Дизелем.

– Привет, – ответила она. Не знаю кому: мне, Федьке или мне с Федькой. Она тут же ушла на физику.

На уроке она не смотрела в мою сторону, на перемене быстро ушла. И так же быстро уходила после других уроков. Где она околачивалась на переменах, неясно, в коридоре её было не видно. Ясно, обиделась. Жаль. Не то чтобы мне была охота с ней постоянно общаться, просто с ней бывало интересно, она рассказывала про книжки, чего-то придумывала, одна плоская тайна чего стоит. Ну вот, я вспомнила про вчерашний разговор и расстроилась ещё больше. Некрасиво как-то вышло. Я в самом деле не хотела обидеть ни Катерину, ни Дизеля. Если бы мы дольше были знакомы с Катериной, она бы это понимала. Дизель же всё понял. Хотя, конечно, нельзя же сравнивать с Дизелем. Никого.

Два дня я на переменах всё время была одна. Катерина на меня даже не смотрела. К ней всё так же подходили одноклассники, что-то спрашивали, так же уходили во время разговора. Только теперь ей было не на кого удивлённо смотреть — не на меня же, обидчицу. Не на Дизеля же. Кстати, почему бы нет?

Перед биологией ко мне вдруг подошла Ирка, спросила, выучила ли я домашку. Боги мои, я думала, небо упадёт на землю, зазвенит на всю округу. Я сказала, что почитала учебник, ещё откопала в энциклопедии немного про обмен веществ, пару определений. Ирка прочитала у меня в тетрадке, сказала спасибо и села на своё место. Что-то небывалое. Я весь урок думала, что происходит, так ничего не придумала.

Внизу, у гардероба, я встретила Катерину. Она переобувалась. И как-то легко получилось так, что мы снова вместе пошли ко мне. Извиняться не пришлось, просто мы одновременно вышли из школы и повернули в мою сторону. По дороге она рассказывала мне, что каждую среду к ним приходит её дедушка, он полковник, очень уважаемый человек. Он приходит, а Катерина в это время сидит у меня, она не хочет его видеть. Обиделась. Из-за него им пришлось переехать. Дед и папа Катерины поругались из-за Крыма вроде бы. Ну, так я поняла. Сначала поругались и ещё раз поругались, потом друг друга не поняли, потом поняли, да не так. Словом, жизнь стала невыносимой. И их семья уехала от деда. В этот барак, тут у папы Катерины давно была од-

на комната, досталась от родителей. Из лингвогимназии ей пришлось уйти, потому что далеко ездить. Ага, вот в это уж я точно не поверила. В восьмом-то классе – далеко? Помилуйте! Вот и объяснилась загадка среды. Катерина каждую неделю в этот день сидит у меня, отключает свой телефон. А когда приходит домой вечером, деда уже нет, он уходит, чтобы не встречаться с папой Катерины.

Она мне всё это рассказывала, пока мы шли ко мне. Я верила и не верила. Уехать из хорошей квартиры из-за ссоры, а поссориться – из-за Крыма! Надо же. Мне казалось, это всё Катерина придумала. Хотя она могла бы и не такое придумать.

Ну, не знаю, заговор инопланетян или собрание ведьм. Шутка, конечно. Я сказала Катерине, что думала, будто по средам у неё дома собрание ведьм, а она как начала смеяться. И мне стало так легко, я поняла, что она не злится на меня и мне не придётся задавать ей плоский вопрос. Точнее, спрашивать, не в обиде ли она на меня и всё такое.

Когда мы гуляли с Маркизом, мне вдруг позвонила Ирка. Просто так, спросить, как дела. Я чего-то проямлила, что пока не очень могу разговаривать и давай потом. Она сразу поняла, говорит:

– Ты не дома, что ли? Не одна сейчас?

Я сказала:

– Ну да. Гуляем.

– А кто с тобой?

– Ну, так, – сказала я, – так, ты не знаешь.

Сама не понимаю, почему мне не хотелось говорить, что я гуляю не только с Маркизом, но и с Катериной. И не хотелось ещё, чтобы Катерина поняла, с кем я разговариваю.

– Ладно, – сказала Ирка, – пока.

– Пока.

У меня сразу же испортилось настроение. Вот зачем она мне звонила? И зачем я отвечала? И непонятно, почему я гуляю с этой странной Катериной. Никто не гуляет, никто с ней не разговаривает, ну так, по серьёзке, только я. Но прикинуть как следует мне не пришлось. Катерина вдруг сказала:

– Знаешь, я тут размышляла о твоём этом черепашестве.

– Да? – не представляла, что кто-то всерьёз может что-то думать о черепашестве. – И как? Какие соображения?

– Во-первых, она твёрдая. Панцирем. А телом, наоборот, мягкая, нежная.

– Ну.

– Ну вот.

– И?

– Ну просто, говорю тебе, думала о черепашестве. А во-вторых, есть ещё одна штука. Ты знаешь про Ахиллеса?

– Из Древней Греции? Он на пятку был слабый, да?

– Ну да. Ты знаешь, что он не догонит черепаху?

– Почему?

– Такой парадокс. Учёные доказали.

– Как не догонит? Он быстрее её!

– В 10 раз. Допустим. Сначала стартует черепаха. Она проползает 10 метров, и он начинает бежать. Пока он бежит эти 10 метров, она проползает один метр. Он бежит метр, она проползает 10 сантиметров, он пробегает 10 сантиметров, она – один, он – сантиметр, она – миллиметр. И так далее. И он никогда не сможет её догнать.

– Как не сможет? Обгонит в два счёта.

– Ну да, где-то в бесконечности есть та точка, в которой он её догонит. Где расстояние перестанет дробиться. И время. Беда Ахиллеса в том, что он дробит задачу, не решает её целиком. И поэтому не догонит.

– Он сам дробит, что ли? Он бежит.

– Понятно, что дробит тот, кто решает. Сам он обгонит и не задумается. Эта задачка про недоступность познания. Ты никогда всего не узнаешь. Приближаешься к границе, а она ещё далеко.

Дальше мы шли молча. Я пыталась понять про Ахиллеса и черепаху, мысли про Ирку сдуло со страшной силой. О чём думала Катерина, мне неизвестно.

НЕМНОГО О ЧЕРЕПАШЕСТВЕ

Устроена черепаха просто: твёрдый панцирь, мягкое внутреннее содержание. Такова любая черепаха, какую ни возьми. Должно быть, это неспроста. Мне подумалось об этом сегодня вечером, но кто знает, смогу ли я подумать

об этом завтра. Размышления о черепашиестве отнимают много сил, далеко не каждый день я могу спокойно подумать о мягко внутренности черепах, об их твёрдой поверхности. Сегодня я больше не буду рассуждать о черепашиестве, предоставляю это вам.

Ахиллес не догонит черепаху

Так странно. Я написала про черепашество у себя на странице, но почти сразу стёрла. Как будто кто-то узнал про меня что-нибудь плохое или смешное. Или, наоборот, хорошее. Нет, что-то, чего я никому никогда не рассказывала. Да и не собиралась вообще-то. Я посмотрела-посмотрела на эту запись пару минут и стёрла её. Заменила на другую, просто написала безо всякого заголовка, есть ли тут кто-то, кто понимает про черепаху и Ахиллеса. Через час Катерина написала под вопросом: «Я же тебе объясняла». Я стёрла. Потом удалила сам вопрос. Вот ещё. Мне не хотелось, чтобы кто-то видел комментарий Катерины.

Хотелось что-нибудь написать о черепашестве, но на ум ничего не приходило. Какая-то пустая была, ничего в голове нет, а что-нибудь написать хочется. Никогда такого не бывало со мной. Надо спросить Федоса, что это. Как будущего врача и надежду медицины. Так я подумала, но не стала спрашивать. Посидела, потупила в компьютер, пошла к маме. Спросила про Ахиллеса с черепахой. Я же не засну, если не пойму.

– Не знаю я ничего про черепаху и Ахиллеса, – сказала мне мама, когда услышала наконец-то. Сто лет пришлось ей один и тот же вопрос задавать. У неё был включен телевизор, она смотрела какой-то фильм и кому-то что-то писала

в телефоне. Настоящий Гай Юлий Цезарь моя мама, умеет заниматься разными делами одновременно. Я подумала, что Цезарь не так уж далеко ушёл от Ахиллеса, может, мама и сообразит чего. Рассказала ей про парадокс. Она задумалась. Правда, всерьёз задумалась. Говорит:

– Дай мне полчаса.

Ну ладно. Пока я с мамой говорила, Катерина на своей странице выставила чертёж. Ахиллес и черепаха. Как ось X, на которой точки A, A1, A2, Ch, Ch1, Ch2. Уверена, никто ничего не понял, это она для меня нарисовала. Я поглядела на её график, но не скажу, чтобы он мне как-то помог в этой жизни.

Прошло полчаса, мама попросила ещё минут десять, потом пять. Потом показала мне примерно такой же график, какой нарисовала Катерина. Но там было одно отличие. У маршрута черепахи и Ахиллеса был финиш! Им нужно было пробежать отрезок, а не бесконечно дуть по прямой. Если так посмотреть, то Ахиллес в самом деле не догонит черепаху. Не успеет, маршрут уже кончится. Она раньше придёт. Ладно, хоть так. Пусть отрезок, пусть не прямая. Так можно жить. Я думала, не написать ли мне Катерине про это. Что-то меня останавливало. Станный день какой-то, как будто живёшь в нём через силу, как будто идёшь босая по пляжу. Или в обуви, но по глубокому снегу. Или вот ещё... Ну ладно, хватит, дурацкий день. Хорошо ещё, черепаха удра-ла от Ахиллеса. Интересно, чтобы он сделал с ней? Сварил

бы суп? Бывают же черепаховые супы, я где-то слышала. Об этом я уже в кровати думала. Не удивительно, что мне приснился какой-то странный сон. Будто мне надо спрятаться, не помню от кого, и я придумала обернуться черепахой. Таковой, нарисованной как будто. Ветер веет по пустыне, а я, черепаха, как лист бумаги лежу, и по мне этот ветер пролетает. А мне смешно, я поняла, что стала вдруг двухмерной, а не трёхмерной. Меня ищут, а ветер дует, а я смеюсь. Так и проснулась.

Рано смеялась, в школе было невесело. На последнем уроке биологичка опять приставала к Митяю. Прицепилась, что он не успел котлету доесть и она у него пахнет из сумки. А он сидит за первой партой, Римма запах чувствует. Радовалась бы, не мочой ведь пахнет. Она так его гнобила, что он в конце концов заплакал. Губач ржал. Дизель поднял руку, снова, как тогда у Льва, спросил, не мешаем ли мы Римме. Но на неё где сядешь, там и слезешь. Она сказала, что нет, и начала диктовать домашку. Вот же гадюка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.